Д. С. Менделеева

РОДОСЛОВИЕ ПРАВЕДНОГО ИОВА И МОТИВ «ПОГАНОГО РОДА» В СОЧИНЕНИЯХ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Предметом анализа в данной статье является родословие праведного Иова, изложение которого можно встретить в «Житии» протопопа Аввакума, где оно завершает размышлении протопопа после рассказа о его ссоре с воеводой Пашковым из-за намеревавшихся постричься в монастырь вдов.

Тексты

Если проследить историю данного отрывка, то можно заметить, что от редакции к редакции аввакумовского «Жития» он эволюционирует, обрастая всё новыми и новыми подробностями. Так, в редакции Б упоминание Иова совсем кратко характеризует мысль избитого по приказу воеводы Аввакума, которую сам протопоп воспринимает как дезость против Бога:

«Как бил, так не болно было с молитвою-тою; а, лежа, на ум възбрело: «за что Ты, Сыне Божий, попустил меня таково болно убить? Я ведь за вдовы Твои стал! Кто даст судию между мною и Тобою? Когда воровал, а ты мене так не оскорблял; а ныне не вем, что согрешил»! Бут-то доброй человек! — другой фарисей выехал с г…ю рожею, — со Владыкою судится! Иев, в язве лежа, говорил так; да он праведен был, непорочен, незлобив. А я, гнусное житие живя, на такая же дерзнул. Увы мне!»»[1]

В редакции А размышление об Иове становится уже более подробным:

«Как били, так не болно было с молитвою тою, а лежа на ум взбрело: «За что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы Твои стал? Кто даст судью между мною и Тобою? Когда воровал, и ты меня не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Бытто доброй человек (другой фарисей з говенной рожею!) со Владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се Писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари Бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почиваю и Писанием отвсюду подкрепляем, яко многими

скорбми подобает нам внити во Царство Небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне!»[2]

И, наконец, в редакции В интересующий нас отрывок превращается в пространное родословие Иова:

«Как били, так не больно было с молитвою-тою, а лежа на ум взбрело: За что Ты, Сыне Божий, попустил таково больно убить-тово меня? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и Тобою? Когда воровал, а Ты меня так не оскорблял, а ныне не веем, что согрешил!» Бытто доброй человек, другой фарисей, погибельный сын, з говенной рожею, праведником себя наменил, да со Владыкою, что Иев непорочной, на суд. Да Иев хотя бы и грешен, ино нельзя на него подивить: вне закона живыи, писания не разумел, в варварской земле живя; аще и того же рода Авраамля, но поганова колена. Внимай: Исаак Авраамович роди сквернова Исава, Исав роди Рагуила, Рагуил роди Зара, Зара же — праведнаго Иева. Вот смотри, у ково Иеву добра научитца? Все прадеды идолопоклонники и блудники были, но от твари Бога уразумев, живыи праведный непорочно. И в язве лежа, изнесе глагол от недоразумения и простоты сердца: Изведыи мя ис чрева матерее моея, кто даст судию между мною и Тобою, яко тако наказуеши мя; ни аз презрех сироты и вдовицы, от острига овец моих плещи нищих одевахуся». И сниде Бог к нему и прочая. А я таковая же дерзнух от коего разума? Родихся во церкве, на законе почиваю, писанием Ветхаго и Новаго закона огражден, вожда себя помышляю бытии слепым. А сам ослеп извнутрь…»[3]

Источники

Долгое время источник аввакумовской характеристики происхождения Иова считался неустановленным. В частности, в своих комментариях к изданию Пустозерского сборника Заволоко Н. С. Демкова писала: «Родословная Иова в таком обобщённом виде отсутствует в каноническом тексте Книги Иова».[4]

К этому мы, в свою очередь, можем добавить то, что текст Острожской библии несколько расходится с современным синодальным переводом, и в нём характеристика рода Иова есть, однако же она…абсолютно противоположна той, что мы встречаем у Аввакума: «И бяше человек тот добра роду от восток солнечных».[5] Так откуда же мог заимствовать столь нелестную характеристику рода ветхозаветного праведника древнерусский протопоп?

Н. С. Демкова высказывала мысль, что «она <родословная Иова — *Д. М.*> могла быть известна Аввакуму из многочисленных толкований на Книгу Иова, существовавших в древнерусской письменно-

сти».[6] В качестве примера подобного толкования исследовательница приводит текст, который мы бы назвали скорее *вариацией* на тему библейской книги — отрывок из проложного «Чтения и памяти святаго Иова», помещённого в Успенский сборник XII—XIII века: «Благослови Господь последьняя Иовови неже предьня я».[7] Однако на самом деле это выражение, очевидно, понятое Н.С. Демковой как указание на предков и потомков ветхозаветного праведника, является древнерусским вариантом части стиха Иов. 42:12 (именно таким образом начало соответствующего стиха передано в Острожской библии). Причём авторы современного канонического перевода посчитали, что речь в данном случае идёт *о разных периодах* в жизни самого Иова: «И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние…» (Иов. 42:12).

Тем не менее, по некотором поиске, источник протопоповых рассуждений всё же удалось установить. По всей видимости, им стал отрывок из Второго Слова о блаженном Иове св. Иоанна Златоуста, помещённого в печатный Маргарит 1641 года:

«Яко да навыкнеши от киих казательств злобы, каков плод истины процвете. Не точию того страна Исавова изнесе, но и самый корень Исавов. От плода бо бе оглаголуемаго. Глаголет убо Писание Иова пятого бытии от Авраама. И како есть пятыи слыши: Авраам роди Исаака, Исаак же Исава, Исав Рагуила, Рагуил Зару, Зара же Иова. Имяше убо от Авраама приятие, ради Исава нань восходящее. Показует убо корень, яко плоду да почюдишася. Кто же бе Исав; блудник и скверней. Кто ли иже бе от блудника; сей сам чудный муж, иже и ныне предлежай нам в повесть…»[8]

Как видим, данный отрывок обладает целым рядом сходных черт с повествованием Аввакума: здесь не только приведено отсутствующее в каноническом тексте Библии родословие Иова, но и содержится рассуждение о неблаговидном образе жизни одного из предков ветхозаветного праведника — легендарного Исава (эту черту протопоп, в свою очередь, распространяет на всех вообще предков Иова).[9]

Источник источника

Отдельная проблема состоит в том, из каких именно источников св. Иоанн Златоуст почерпнул те сведения о родословии праведного Иова, которых, как помним, нет ни в Острожской Библии, ни в современном русском каноническом переводе библейского текста. Ответить на этот вопрос позволяют исследования отечественных библеистов XIX века. Так в работе П.А. Юнгерова «Введение в Ветхий

Завет» находим наблюдение о том, что «в славянском переводе книги Иова, в конце ее (42:17) есть дополнение, в коем рассказывается о происхождении Иова от Исава».[10] Полный текст этого дополнения (в авторском переводе с греческого на русский) находим у другого исследователя — архим. Филарета (Филаретова) [11]: «Написано, что он <Иов — *Д. М.*> опять восстанет с теми, коих воскресит Господь. О нем толкуется в Сирской книге, что жил он в земле Авситидийской, на пределах Идумеи и Аравии: прежде же было имя ему Иовав. Взявши жену Аравитянку, родил сына, имя которому Еннон. Поисходил он от рода Зарефа, сынов Исавовых сын; матери же Воссоры, так что был он пятым от Авраама. И сии цари, царствовашие в Эдоме, какою страною и он обладал: первый Валак сын Веора, и имя городу его Деннава; после же Валака Иовав, называемый Иовом; после сего Ассом игемон из Феманитской страны; после него Адад, сын Варада, поразивший Мадиама на поле Моава, — и имя городу его Гефем. Пришедшие же к нему друзья, Елифаз (сын Софана) от сынов Исавовых, царь Феманский, Валдад (сын Амкона Ховарскаго) савхейский властитель, Софар минейский царь, (Феман сын Велифаза игемон Идумеи. О нем говорится в книге Сирской, что жил на земле авситидийской около берегов Евфрата; прежде имя его было имя его было Иовав, отец же его был Зареф, от востока солнца)».[12]

Как видим, текст этой приписки лишь частично совпадает с отрывком Аввакума. По сути, здесь подтверждается лишь происхождение Иова из рода Исава, а также то, что по рождению ветхозаветный праведник был «пятым от Авраама». Однако ни одного из тех имён, что упомянуты у св. Иоанна Златоуста, мы здесь не найдём. Недостающее звено находится благодаря всё тому же обзору П. А. Юнгерова, который упоминает связь данного таргума на Книгу Иова с 36 главой Книги Бытия[13]. В ней мы действительно находим недостающие звенья родословия Иова: «сии же имена сынов Исавлих: Елифас, сын Ады, жены Исавля, и Рагуил, сын Васемаф, жены Исавля. <…> И сии суть сынове Рагуилевы: Нахов, Заре, Соме и Мозеи»[14]. Несколько позже находим в Книге Бытия и упоминание загадочного Иовава («и царь бысть по нем Иовав, сын Зарине от Въсоры»[15]), который в сирийской приписке отождествляется с праведным Иовом.

Герменевтика отрывка и литературный мотив

Делая попытку разобраться в особенностях восприятия протопопом Аввакумом интересующего нас библейского отрывка, обратим внимание на то, что разнообразные указания писателей предшест-

вующих веков на «чужую страну», в которой жил ветхозаветный праведник, либо на недостойный образ жизни его предка Исава, у русского автора звучат несколько иначе — как идея о «поганом роде» праведного Иова. И действительно, в «слове» св. Иоанна Златоуста противопоставлены друг другу лишь два лица: «корень» Исав и произошедший от него «плод» Иов; при этом Исав характеризуется автором как «блудник и сквернен», Иов назван «чудным мужем», а о прочих поименованных здесь лицах из текста мы не можем узнать ничего, кроме собственно имён. Чуть ранее в том же «слове» св. Иоанн Златоуст пытается рассуждать в целом об Авсидитской стране, однако рассуждения его, по большей части, вновь возвращаются к тем же персонажам — Иову или же Исаву: «цвет среди терния процвете», «страна бе Исавова», «именует ся же скверняго и лукаваго Исава страна».[16] У Аввакума же соответствующее размышление звучит более конкретно: «Все прадеды идолопоклонники и блудники были» (30). Таким образом, в творчестве Аввакума появляется мотив, который мы условно можем назвать мотивом «поганого рода».

В целом, этот мотив имеет весьма незначительное распространение в сочинениях Аввакума. Во многих ситуациях, где можно было бы ожидать его использования, автор прибегает к помощи других образных средств. Например, себя самого он иногда лишь кратко сравнивает с многострадальным Иовом или образно говорит о своей «простоте», «нищете» и т. д., но нигде не продолжает ту образную линию, которая возникла в поздней редакции «Жития». Говоря о боярыне Морозовой, в связи с которой логично было бы упоминание «рода», но, скорее, «благого», Аввакум упоминает лишь её прежний статус — «жена боярская,…вверху чина царева» (408), количество крестьян, имения, красоту выезда, но опять ни словом не касается родословия. Порою в своих сочинениях протопоп пытается рассуждать о «человеческом роде» вообще — «оплетишася весь род человеческий страстьми и похотьми» (509) или же о «будущих родах» — «потомках» вообще или, чуть более конкретно, — потомках кого-то кого-то из сторон внутрицерковного конфликта: «какую по себе впредь будущим родом оставляет память знати» (314), «аще детей имате, то научайте их…дабы впредь заповедывали чада всему вашему роду, по вас послежде бывшему ни в чём прелести не последовати» (322).

При более внимательном рассмотрении оказывается, что практически все рассуждения Аввакума о родах и превратностях взаимоотношений внутри них сконцентрированы в одной единственной части «Книги бесед» — т. н. беседе восьмой «Об Аврааме». Здесь Аввакум внимательно и скрупулёзно прослеживает родословие двух

ветхозаветных пророков — Авраама и Мельхиседека, причём с авторской оценкой упомянутых персонажей начинает происходить нечто подобное тому, что мы уже наблюдали ранее с родословием праведного Иова.

Так, например, о родословии Авраама говорится следующее: «сей Авраам, друг Божий, рода Еврейска, корене благаго. Прадед его Евер…не приста совету и делу беззаконному в столпотворение, не верова волхвам, и сего ради Богом Вышним благословен бысть» (329). Далее похвалы удостаиваются сын Евера Фалек и все остальные его потомки вплоть до отца Авраама Фары, рассказывается о том, что «влекущееся 600 лет род их праведнее живый» (329). Серьёзным диссонансом в истории этого «благого и праведного рода» выглядит лишь одна существенная деталь: «токмо кумирам истуканным жертву приношаху, не разумевшее Господу Богу истинныя жертвы приносити, но ослеплении бывшее сатаною… (329).

Куда более трагичной оказывается история другого ветхозаветного персонажа — Мельхиседека, который сам обращается к Богу со страстной молитвой «да пожрет земля отца…, и матерь, и брата, и всех, жертву творящих истуканным богом» (334). Когда же Бог выполняет просьбу праведника и Мельхиседек остаётся «един…, не имый отца и матери, ни приста роду», автор неожиданно делает вывод о том, что ветхозаветный праведник таким образом «уподоблен Сыну Божию: напоследок Господь наш возсия на земли от Девы, не имый отца на земли, а на небеси без матери» (334). Вероятно столь неожиданное высказывание о Христе было замечено Аввакумом. По крайней мере, ещё в одном своём сочинении — беседе шестой «О днях поста и мясоястия» он и сам делает попытку несколько парадоксистски порассуждать о родословии пророков и Христа — « от их же (иудеев — *Д. М.*) ода святи Божии человецы…возвещают Божию волю; они же, осуетишася умы своими, исполнився злобы, не терпя обличения, пророков убиваху… Егда же в конец заблудиша, посла Бога истиннаго спасителя миру. <…> Иисус Христос, сын Божий, родился от их же рода по плоти, от святыя Богородицы… Они же, емше, связаша и предаша Его Понтискому Пилату игемону» (298—299).

Различные фрагменты, так или иначе интерпретирующие мотив «поганого рода» появляются в сочинениях Аввакума, по-видимому, в результате каких-то книжных изысканий по истории Ветхого Завета, которые автор вёл в Пустозерске не ранее 1672 года. При этом источником родословия Иова в поздней редакции «Жития», как мы уже указывали выше, стало «Слово» Иоанна Златоуста, о происхождении повествований об Аврааме и Мельхиседеке на сегодняшний день

можно сказать лишь то, что они заимствованы не из «Хроники» Георгия Амартола, в которой соответствующая глава выглядит иначе. [17] Т.о. в отличие от большинства мотивов аввакумовского творчества — «телесной толстоты», «внешней мудрости» и проч., — которые мы имели возможность изучать ранее, в данном случае мы имеем возможность «заглянуть в творческую лабораторию» автора и изучить не уже готовое, сложившееся представление, но проследить его возникновение «в реальном времени». Мы видим, что в изложении всех упомянутых нами эпизодов автор достаточно сильно зависит от своих книжных источников, в результате даже авторская реакция и оценка в разных случаях оказывается весьма различной — так, праведный Иов и Мельхиседек здесь весьма резко противопоставлены своей языческой родне, тогда как в рассказе об Аврраме мы такой трагической антитезы не наблюдаем. Похожим настроением наполнен, пожалуй, и тот возглас Аввакума о никонианах, который мы можем найти в его беседе «О внешней мудрости»: «Плакати о вас подобает, а не ругати, понеже плоть от плоти нашея, и кость от костей наших…Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи! Увы, приятели и сродство!» (290).

Примечания

[1] Памятники истории старообрядчества за первое время его существования. Т. 1. Русская историческая библиотека. Т. 39. М., 1927. Ст. 104—105. Далее цитаты из сочинений Аввакума по этому изданию приводятся с указанием столбца в тексте в скобках. Все цитаты в работе приведены в упрощённой орфографии с заменой ѣ на е и пропуском конечных еров.

[2] Памятники литературы Древней Руси. Вып. 11. М., 1989. С. 364.

[3] Пустозерский сборник. Л., 1975. С. 30.

[4] Пустозерский сборник. Л., 1975. С. 236.

[5] Острожская библия. 1581. Л. 265. Соответствующий фрагмент в современном каноническом тексте выглядит иначе: «…и был человек этот знаменитее всех сынов Востока». (Иов 1:3).

[6] Пустозерский сборник. Л., 1975. С. 236.

[7] Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 164. В комментарии к Пустозерскому сборнику конкретное выражение не приводится, есть только отсылка на страницу Успенского сборника с упоминанием о том, что указанием на текст исследовательница обязана Н.А. Мещерскому.

[8] Маргарит, М., 1641 (цит. по переизданию М., 1900. Л. 354 об.). Для сравнения приведём русский текст этого слова (в несколько иной редакции): «Подлинно, следует указать причину. Если бы Бог погубил его, то мир лишился бы величайшего плода правды, а какого — послушай: Исав родил Рагуила, Рагуил — Зару, Зара — Иова. Видишь, какой погиб бы цвет терпения, если бы Бог наперед предал казни корень?» (св. Иоанн Златоуст. Слово о покаянии седьмое. // Творения Иоанна Златоуста в русском переводе. Т. 2. СПб., 1899. С. 360).

[9]Ещё один отрывок, содержащий родословие праведного Иова и, судя по авторским указаниям в предшествующем тексте, восходящий к тому же «слову» св. Иоанна Златоуста, находим и в «Хронике» Георгия Амартола: «Авраам бо рече роди Исака. Исаак роди Исава, Исав Рагуи и Зара; Зара Иова. Имяше бо преимание от Авраама к нему исходяше, Исавом показуя корень, да о плоде почюдидишися, яко он любодеец бысть и сквернен, се же целомудрен и честен…» (Истрин В. М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 90). Т. о., нельзя исключить, что соответствующий отрывок мог быть заимствован Аввакумом не только из печатного «Маргарита», но и из этой хроники.

[10] Юнгеров П. А. Введение в Ветхий Завет http://sbible. boom. ru/books/jung64.htm

[11] По замечанию П. А. Юнгерова, вставной характер данного отрывка был довольно рано замечен богословами, а потому он был исключён из целого ряда переводов библейского текста, в том числе из русского синодального. Несмотря на приведённое выше утверждение исследователя о том, что данное дополнение входило в славянский перевод Библии, нам не удалось обнаружить соответствующей приписки ни в Острожской библии 1581 года, ни в печатной Библии Франциска Скорины 1517 года, ни в рукописных сборниках ветхозаветных текстов из собрания Троице-Сергиевой Лавры. Именно поэтому мы вынуждены были обратиться к работе исследователя, повторно переводящего этот текст, найденный им в списках греческой Септуагинты, на русский.

[12] Архим. Филарет (Филаретов) Происхождение Книги Иова // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1872. Вып. 5. С. 263—264. Слова, помещённые в скобках, согласно замечанию автора, находятся только в александрийском списке греческого перевода Септуагинты.

[13] Юнгеров П. А. Введение в Ветхий Завет http://sbible. boom. ru/books/jung64.htm

[14] Острожская библия. 1581. Л. 17. Интересно, что в современном каноническом переводе соответствующие имена звучат несколько иначе: «Вот имена сынов Исава: Елифаз, сын Ады, жены Исавовой, и Рагуил, сын Васемафы, жены Исавовой. <…> И вот сыновья Рагуила: Нахав и Зерах, Шамма и Миза». (Бытие 36:10, 13). Именно эта разница транскрипций, по всей видимости, и была причиной того, что источник аввакумоского рассуждения столь долгое время оставался неустановленным.

[15] Острожская библия. 1581. Л. 17. ср. Бытие 36:33.

[16] Маргарит, М., 1641 (цит. по переизданию М., 1900. Л. 354 об.).

[17] Необходимо оговорится также, что беседа «Об Аврааме» не связана и с тех записках о ветхозаветных пророках, которые в издании РИБ обозначены как «сочинения богословские» — там мотива родословия нет вообще.